

Поль изо всех сил попытался припомнить обрывки фраз, услышанные за эти годы, и заново сложить их в своей голове.

— Ваньлань... занимает часть юго-восточных равнин, простираясь от западного берега Туманного моря до самых подножий гор Музтаг. Их столица называется Розлоран, она построена прямо в жерле потухшего вулкана. Говорят, тамошняя магическая энергия настолько плотна, что по ночам излучает сияние, и издали это похоже на вечно пылающий костер.

— Кто правит империей? — спросил Гидодора очень медленно, словно давая этим названиям время улечься в памяти.

— Номинально — император. Но на самом деле имперская власть разделена на три ветви.

Гидодора чуть склонился набок, давая понять, чтобы тот продолжал.

— Первая ветвь — Рыцари Серебряной Луны. Это имперские рыцари, но не простые. Каждый рыцарь в ночь полнолуния принимает благословение богини, и с того момента его сила меняется в зависимости от фазы луны. В полнолуние они почти непобедимы. В новолуние слабеют, но все равно остаются элитой, с которой не могут тягаться обычные люди. Говорят, сильнейшие рыцари Серебряной Луны в ночь полнолуния способны сражаться с сотней врагов в одиночку.

— А вторая?

— Чародеи.

Произнося это, Поль скривил лицо в сложном выражении.

Это был врожденный трепет раба перед тем, что лежит за гранью достижимости, смешанный с каким-то неопределенным стремлением. Он коснулся своей сломанной ноги и, словно что-то внезапно вспомнив, тут же отдернул руку.

— Великие чародеи Империи Ваньлань. Они не полагаются на передающиеся из поколения в поколения заклинания, как варварские знахари Южных Пределов, и не вплетают магию в оружие, подобно Великому Княжеству Хунли на северо-востоке. Они... любят исследования. У них есть специальные академии, специальные библиотеки, специальные кодексы магии. Если у ребенка обнаруживается талант, его увозят в Розлоран, и с этого момента он перестает быть тем, кем был прежде. Они называют это первым возгоранием. Говорят, в каждом человеке кроется искра, и задача академии — разжечь ее.

— И простолюдины тоже могут?

— Могут. Говорят, на то воля Богини Полной Луны: магия — это дар, дарованный всему человечеству, и он не должен принадлежать по праву рождения лишь избранным.

— Когда-то я видел мальчика, которого вот так забрали. Он плакал всю дорогу, а его мать бежала за повозкой три ли. Спустя три года тот мальчик вернулся навестить родные места. На нем была серая мантия чародея, а глаза стали бледно-фиолетовыми. Только вот он стоял у въезда в деревню и целый полдень смотрел, как его мать на коленях жнет пшеницу. Посмотрел — и молча повернулся уходить. Больше он никогда не возвращался.

Вспомнив об этом, уголки губ Поля невольно изогнулись в горькой усмешке.

Уж лучше бы тот мальчик умер на чужбине.

— Хотя, если говорить правду, нынешние аристократы думают иначе. У них есть свои способы сделать так, чтобы талант их собственных детей проявился вовремя. Ваньланыцы называют это предопределенным узором и утверждают, что он дарован богами и не подлежит изменению. Но мы, рабы, прекрасно знаем: стоит отсыпать достаточно золота, и предопределенный узор тоже окажется на коже. И всё же... по крайней мере, на словах путь открыт для всех.

Губы Гидодоры шевельнулись.

Это едва ли можно было назвать улыбкой, скорее — выражением, застывшим где-то между насмешкой и праздным любопытством.

— Мудрая богиня.

Поль не понял смысла этих слов, но спросить не смел.

Он знал лишь одно: те небожители, что сидят на недостижимой высоте, никогда не замечают ползающих внизу букашек. А если вдруг заметят... наверное, просто растопчут.

— Ну а третья сила?

Гидодора, судя по всему, и впрямь проникся глубоким интересом к этим вещам.

— Это удельные князья. Древние роды, владеющие землями, которые передаются из поколения в поколение. Они контролируют местные войска и налоги, владеют рудниками и лесами, держат в повиновении миллионы простолюдинов и рабов. Князья не подчиняются Совету, Совет презирает князей, а император зажат между ними — как и в любой другой игре в престолы. У кого кулак толще да друзей больше, тот и отхватит кусок покрупнее.

— Совет?

— Совет Серебряной Луны, состоящий из двенадцати великих чародеев. Они толкуют волю богини, следят за использованием магии и проверяют кандидатов в новые чародеи.

Вероятно, увлекшись рассказом, Поль излишне взмахнул руками и потревожил рану, скривившись от боли.

— Как-то раз один князь перешел Совету дорогу, и на следующий день все чародеи в его владениях исчезли. Спустя три года его земли были дочи́ста поделены между тремя соседями.

Гидодора умолк.

Казалось, он пережевывал полученную информацию или обдумывал что-то иное.

Затем Гидодора продолжил расспросы:

— Сколько же богов осталось по сей день? — это, разумеется, волновало его больше всего, ведь от этого зависела надежда на скорое освобождение.

Это была тема, о которой Поль никогда не осмеливался говорить прилюдно, но сейчас, перед лицом этого демона, все запреты потеряли всякий смысл.

— Богов, о которых мне ведомо, не так уж и много. На севере лежит Двор Зимней Стужи, их народ поклоняется Владыке Морозной Вечной Зимы — его зовут Хелаенс. Говорят, он обитает в самом сердце ледников: от его дыхания замерзает воздух, а от одного моргания поднимаются снежные бури. Северяне никогда не молят его о хорошем урожае, они просят лишь об одном — чтобы он не гневался. Каждую зиму они приносят ему в жертву красивейших девушек, заставляя тех в белых одеждах уходить прямо в бушующую метель. Никто не знает, куда деваются эти несчастные, но после жертвоприношений снежная буря всегда затихает на несколько месяцев.

— На самом юге раскинулся Архипелаг Бурь, там поклоняются Матери Бездонных Приливов по имени Мортиреган. Все моряки перед выходом в море обязаны принести жертву в ее храме; если же даров окажется недостаточно, она поднимет волны и проглотит корабль...

Брови Гидоры на мгновение слегка дрогнули: манера действовать у этой богини... была весьма занятой.

— Есть еще одно божество... о нем редко вспоминают. Бог Пепла и Забвения, люди называют его Моэнфар. Говорят, он правит той пустотой, что лежит меж смертным часом и вратами загробного мира — все те бесприютные души в конце концов проходят через него. Люди до смерти боятся произносить его имя, боятся, что он услышит, боятся, что он... запомнит их.

На этом моменте Поль украдкой бросил взгляд на реакцию Гидодоры. Его расплавленные

золотые глаза оставались совершенно неподвижны, но Полю почему-то казалось, что тот слушал с предельной сосредоточенностью.

— О других... я и вправду ничего не знаю. Земля Потерянных огромна, а я за всю свою жизнь, после того как меня продали из Пиков Метели сюда, дальше Городка Шлака не выбирался.

Поль не лгал.

Много ли может знать раб, у которого нет даже свободы?

— А Богиня Полной Луны? Та, которой поклоняются ваньланьцы, как ее зовут?

— Лунелани.

В голосе Поля при упоминании этой большеглазой богини невольно проскользнуло нечто вроде благоговейного трепета.

— На ваньланьском наречии это слово означает Глаз ночного неба. Ее храмы тоже построены на краях вулканических кальдер, а все жрицы — женщины. Говорят, в ночи полнолуния они способны узреть грядущее.

— Лунелани, Глаз ночного неба.

Гидодора повторил это имя еще раз.

Только вот когда оно сорвалось с его губ, в нем послышалась тоска, почти похожая на вздох.

Полю вдруг показалось, что в тех расплавленно-золотых зрачках что-то промелькнуло.

— Вы... вы знакомы с ней? — набравшись храбрости, спросил Поль.

Спустя долгое время Гидодора наконец медленно произнес:

— Не особо близки.

Поль остолбенел.

Он не знал, что на это ответить, и мог лишь опустить взгляд на собственную культю, чтобы скрыть охватившую его панику.

Да этот демон был лично знаком с богами!

Молчание затянулось надолго, настолько долго, что Поль уже решил, будто ответа не дождется.

Однако голос Гидодоры прозвучал снова:

— Ты всего лишь жалкий раб-хворостинка, откуда тебе столько известно?

Услышав это, Поль ответил горькой улыбкой.

— Господин, проповедникам нужны слушатели, бродящим бардам — монеты на выпивку, а сказителям — те, кто готов сидеть у костра и слушать их рассказы. В лагере рабского труда нет ничего — ни свободы, ни надежды, ни завтрашнего дня, — но чего там в избытке, так это времени. Когда насмотришься и наслушаешься вдоволь, многое само оседает в памяти.

— К тому же... я прожил тридцать шесть лет. Для каторжного лагеря это уже долгий срок. А когда живешь долго, волей-неволей услышишь то, чего слышать не полагалось.

Тридцать шесть лет.

В памяти дракона это было не дольше, чем один миг дремоты. Но для стоявшего перед ним ничтожного, покалеченного раба-хворостинки это были долгие годы, сложенные из бесчисленных страданий и терпения.

— Продолжай, я хочу услышать больше.

Поль кивнул.

— Среди земель смертных на Земле Потерянных есть еще одно место, о котором стоит упомянуть.

— Оно зовется Утопией. Но это не королевство, а скорее... убежище. Говорят, оно не подчиняется ни одному монарху и не укрыто ничьим божественным покровительством. Отверженные — те, кто отказался верить в каких-либо богов, — собираются именно там.

— Не верят ни в каких богов? И они... все еще живы?

— Живы, и живут куда дольше обычных людей, да и куда сильнее их. Говорят, раз они отказались принимать божественные дары, их срок жизни, напротив, продлился. Ни один бог не желает забирать их души, но и тратить силы на их истребление никто не хочет. Так они и...

вечно скитаются меж мирами.

Гидора на мгновение замолк, а затем спросил:

— Разве это не благо? Разве долгая жизнь — не то, о чем молит каждый?

Поль покачал головой.

— Нет. Мне довелось услышать слова одного отверженного старика. Он сказал, что долгая жизнь — это не дар, а кара.

Поль словно заново переживал ту давнюю беседу.

— Подумайте сами, господин. Обычный человек живет несколько десятилетий: близкие и друзья рядом, рождение и смерть идут своим чередом, во всем есть опора. А отверженные? Они смотрят, как умирают их родители, как умирают братья и сестры, как умирают жены и мужья, как умирают дети, как умирают внуки — из поколения в поколение, раз за разом. В конце концов у них не остается ничего. Ни родных, ни воспоминаний, ни причин продолжать жить.

— Но ведь они все еще живы.

— Да. Они живы, но назвать это жизнью уже нельзя. Это называется... гниением. Они не стареют, но и ничто живое больше не прорастает в их душах.

<http://bllate.org/book/19072/1873294>